

Говно, вода и медные трубы

Вечером стало ясно, что травмированно-го гонщика необходимо как можно скорее доставить в Питер. Первая помощь пострадавшему была оказана, но состояние его ухудшалось. Добровольцу предстояло преодолеть в течение короткой ночи примерно 350 километров до Петербурга и к утру возвратиться в лагерь. Прodelать это вызвался неутомимый Всеволод Кармазов. Вскоре огни его «Самурая» растаяли в ночном полумраке и мы мысленно пожелали ему удачи.

Через день пути каравану предстояло пройти семь километров по старой финской дороге, двигаясь между финской границей и озером. Дорогой этой, как утверждал Овчинников, лет пятьдесят никто не пользовался. Переход обещал быть интересным. Поубавившееся за дни рейда воодушевление вновь воцарилось в наших сердцах. Мы двигались прямо

через лес, петляя между стволами деревьев. По сложившейся традиции легкие машины замыкали колонну, и мы, двигаясь в хвосте группы, не переставали удивляться тому, как ориентируется авангард. Собственно, дороги не было никакой. Если вы отпускаете впереди идущую машину метров на 50, то у вас появляется несколько альтернативных вариантов проезда к ней. Вы ориентируетесь только на пестрый кузов и едете там, где можно проехать. Но вот стали появляться хорошо заметные канавы, отвалы и воронки. Стало очевидно, что здесь проходила полоса обороны. Можно предположить, что мы приблизились к одному из участков знаменитой линии Маннергейма. Вскоре стали попадаться полуистлевшие деревянные блиндажи, рулоны ржавой колючей проволоки. Причем, колючку никто отсюда не убирал, ее

просто сняли с позиций, проделав проходы, и она так и осталась лежать на линии окопов в виде зловещих ржаво-коричневых «бочек». Однако, не всю проволоку стащили в бочкообразные рулоны, достаточно кусков поменьше валялось вокруг.

Огибая одну из линий окопов, «Ренглер» Игоря Козлова проколол сразу два колеса. А когда при подкачке лопнуло и третье, я понял, что эти зловещие места живут тем временем, когда здесь лилась кровь, калечились судьбы тысяч людей. И эти каменистые сопки, зажатые между озерами, изрытые окопами перелески не простят нам такого бесцеремонного вторжения в свои владения. Чувство опасности наполнило сердце. Я мысленно просил прощения у душ погибших здесь людей за то, что отравляю священный для них карельский воздух ядовиты-

